

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

УДК 811.111-26

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-7-12

**СЕМАНТИКА СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
В КОНТЕКСТЕ РОМАНА В. В. НАБОКОВА «БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ»**

© Зухра Аглеева, Игорь Кудряшов

**SYNESTHETIC METAPHOR SEMANTICS IN THE CONTEXT
OF VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL "PALE FIRE"**

Zukhra Agleeva, Igor Kudryashov

Based on the novel "Pale Fire", synesthesia is defined in this publication as Vladimir Nabokov and his characters' metaphorical way of thinking, in which the linguistic form and its meaning, as signs of a stimulus, inevitably lead to a conscious perception of the form's additional meaning. We have established that the associations, described by Vladimir Nabokov in the text of this novel, are interpreted as "nomination-color" synesthesia, where nomination is a stimulus for the surrounding world metaphorical reproduction, coloring the accompanying experience of the reader's perception of this world. The article analyzes the problems associated with the excessive use of metaphorical color categories, the importance of memory for the characters in interpreting synesthetic vision of reality, and the definition of identity from the point of view of synesthesia and irrationality of perception of the objective phenomena. In this regard, the use of synesthetic metaphors in the text of the novel is interpreted as a symptom of Vladimir Nabokov's creative inclination to think at the junction of simultaneous activation of various sensory modules, since the author's metaphor implies the ability to think in one modality, at the same time projecting another modality. The article concludes that in the novel "Pale Fire", color plays a constructive role in determining the identity of the synesthetic poet J. Shade's image. The character's synesthetic consciousness functions in a highly poetic manner, and his language in describing the perception of the world around him corresponds to the poetic use of metaphors. The predisposition of a character with a synesthetic gift to metaphorical nominations is explained by his instinctive substratum, which, in turn, sheds light on the cognitive foundations of imagery in the language system as a whole. Art with a synesthetic dimension (due to the fact that a creative person is a natural synesthete, has the ability to stimulate feelings to intersect when perceiving the world around them) expands ideas about the metaphorical predestination of fictional discourse.

Keywords: synesthesia, color nominations, language sign, metaphor, pragmatic effect

На материале романа «Бледный огонь» синестезия определяется в публикации как метафорический образ мышления В. В. Набокова и его персонажей, при котором языковая форма и ее значение как признаки стимула неизбежно приводят к осознанному восприятию дополнительного смысла формы. Установлено, что ассоциации, описанные В. В. Набоковым в тексте данного романа, трактуются как синестезия «номинация-цвет», где номинация является стимулом метафорического воспроизведения окружающего мира, окрашивает сопутствующий опыт читательского восприятия этого мира. Анализируется проблематика, связанная с чрезмерным использованием метафорических номинаций цвета, важностью памяти для персонажей при интерпретации синестетического видения действительности, определением идентичности с точки зрения синестезии и иррациональности восприятия предметного мира. В этой связи использование синестетической метафоры в тексте романа трактуется как творческая склонность В. В. Набокова к мышлению на стыке одновременной активации различных сенсорных модулей, поскольку авторская метафора подразумевает способность мыслить в одной модальности и в то же время проецировать другую. Делается вывод о том, что в романе «Бледный огонь» цвет играет конструктивную роль в определении идентичности образа поэта-синестета Дж. Шейда. Синестетическое сознание персонажа функционирует в высшей степени поэтично, его язык при описании восприятия окружающего мира соответствует поэтическому использованию метафор. Предрасположенность персонажа, обладающего синестетическим даром, к метафорическим номинациям объясняется его инстинктивным субстратом, что проливает свет на когнитивные основы образности в системе языка в целом. Ис-

куство с синестетическим измерением, благодаря тому, что творческая личность является врожденным синестетом, обладает способностью стимулировать чувства к пересечению при восприятии окружающего мира, расширяет представления о метафорической предопределенности художественного дискурса.

Ключевые слова: синестезия, номинации цвета, языковой знак, метафора, прагматический эффект

Для цитирования: Аглеева З., Кудряшов И. Семантика синестетической метафоры в контексте романа В. В. Набокова «Бледный огонь» // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 7–12. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-7-12

Синестезия – это неврологический, генетически унаследованный феномен, предполагающий переживание двух или более эмоциональных состояний, которые фиксируются в ассоциативной коре головного мозга [1, с. 27], [2, с. 143–172]. Восприятие внешнего стимула активирует обработку чувства в соответствии с когнитивными механизмами «дистилляции» иного чувства: наблюдается синкретизм различных сенсорных модулей, что предопределяет индивидуально-образную память и творческую языковую неповторимость ее художественно-метафорического воплощения. Синестетические связи между различными сенсорными модулями являются естественными и предварительно не запланированными, точно так же, как и связи между разрозненными сущностями и идеями, которые находят отражение в метафорическом образе. В связи с этим метафора определяется и как «псевдосинестезия», поскольку она «произвольна» [3, с. 89].

В. В. Набоков полагал, что обладает «цветным слухом», который активируется при «устном произнесении заданной буквы и воображении ее очертаний» [4, с. 15]. Врожденная авторская синестезия производит слуховые и зрительные «легкие галлюцинации», которые преобразовываются в «преддормиторные видения», ставшие основой текстуальных стратегий многомерного постижения метафоры как средства косвенного установления стабильных связей между разрозненными сущностями и значениями, доходящего до основы значения и, следовательно, до способности переводить конкретный опыт на язык.

Актуальность исследования предопределяется тем, что восприятие окружающего мира в терминах синестезии является следствием творческой склонности метафорически соединять разрозненные сущности и идеи. Цель исследования – выявить специфику процессов метафорического восприятия окружающего мира В. В. Набоковым, которые влекут за собой синестетические переживания. В связи с этим ставится задача проследить устойчивые взаимосвязи между синестезией и метафорой при иррациональном

восприятии персонажами романа предметов будничной действительности.

С опорой на герменевтический метод анализа общим знаменателем исследования выступают следующие постулаты.

1. Синестезия является одним из основных принципов, лежащих в основе построения метафорических выражений: метафоры, сочетающие чувства, опираются на более телесные чувства для описания переживаний менее телесных ощущений [5].

2. Синестетические метафоры являются одной из стратегий, к которым прибегают творческие личности, чтобы установить связь со своим телом как реальностью, которая находится перманентно с ними, но часто игнорируется или намеренно подавляется [6].

Научная новизна исследования связывается с трактовкой образа персонажа, его идентичности с опорой на цветовую гамму, сквозь которую он иррационально воспринимает повседневную реальность. Установлено, что переплетение чувств наделяет персонажа-синестета своего рода многомерной связью, которая позволяет ему видеть окружающий мир в метафорическом свете.

Для передачи поэтической воображаемой реальности в романе «Бледный огонь» представлено более пятисот слов, номинирующих цвет. Ср.: *Лиловато-розовые кольца вокруг луны, / кроваво-оранжевое солнце, / Двойная Ирида и это редкое явление – / Ложная радуга...* [7, с. 43]. Некоторые фрагменты свидетельствуют о гносеологической чувствительности В. В. Набокова к редким цветовым оттенкам в хаотичной будничности повседневного универсума: *Тусклая темная белизна на бледной белизне дня, / Среди абстрактных лиственниц в нейтральном свете. / И после: градации синевы...* [Там же, с. 39]. Тот факт, что автор многомерно задействует цвет, наводит на мысль, что синестезия – доминирующая причина такого поддержания цветовой гаммы. В тексте романа цвет не используется в чисто символической функции: чрезмерное насыщение текста цветом создает эффект визуализации повествования. Некоторые цвета, редко

встречающиеся в будничной повседневности, привлекают внимание к тому факту, что синестезия заставляет автора по-особому воспринимать разные и странные цветовые оттенки, такие как *голубовато-красный, пурпурно-черный, чайно-розовый*. Автор стремится создать художественный текст, привлекательный в визуальном плане, чтобы читатель смог почувствовать то же, что и он сам. Чтобы добиться этого, В. В. Набоков порождает эффект одновременности, пытается писать так, чтобы вскрыть всю гамму своих синестетических переживаний, стимулировать читателя тоже увидеть это. Автор переживает множество чувств одновременно, мысленно восстанавливает первоначальный, осмысленный, нелинейный образ из последовательного по своей сути текста.

Джон Шейд, поэт-синестет, утверждает, что у него есть *«мозг, пять чувств (одно неповторимое)»* [Там же, с. 44]: неявно признается процесс переплетения сенсорных модулей, рассматриваемый как основной в синестезии. Вследствие предрасположенности к синестезии Дж. Шейд видит индивидуальную *«реальность, ничего общего не имеющую со средней „реальностью“, доступной коллективному глазу»* [Там же, с. 151]. Восприятие будничной повседневности на стыке переплетения сенсорных модулей трактуется как высший когнитивный процесс с оттенком духовности. Синестезия у В. В. Набокова понимается как «силы совершенствования, которые очищали и чеканили ... стихи» [Там же, с. 33], провиденциальный феномен, связанный с поэтическим искусством, которым восхищается Чарльз Кинбот, не обладающий синестетическим метафорическим видением повседневности: *«Я присутствую при уникальном физиологическом явлении: Джон Шейд воспринимает и претворяет мир, вбирая его и разлагая на составные элементы, меняя их местами и в то же время складывая про запас, чтобы в один непредугаданный день произвести органическое чудо, слияние образа и музыки, поэтическую строку»* [Там же, с. 35]. Восхищение Ч. Кинбота подтверждает силу Дж. Шейда как чародея, что, по мнению В. В. Набокова, оказывается самой яркой характеристикой литератора: «Писателя можно оценивать с трёх точек зрения: как рассказчика, как учителя, как волшебника. Все трое – рассказчик, учитель, волшебник – сходятся в крупном писателе, но крупным он станет, если первую скрипку играет волшебник» [4, с. 7].

Фамилия главного героя Шейд отсылает к неясным тонам и темноте. Его имя проецирует метафорическое смысловое содержание. Герой признает метафорические коннотации: *«Я люблю*

свое имя: Шейд, Ombre, почти „человек“ по-испански...» [7, с. 202]. Дж. Шейд видит себя лишь тенью того, каким был бы настоящий мужчина. Возможно, вследствие своей поэтической деятельности он называет себя простым *ombre*, что в переводе с французского также означает «тень». Дж. Шейд признает это: *«Я был тенью свиристеля, убитого / Ложной лазурью оконного стекла...»* [Там же, с. 39], ему нравится играть с такой идеей: *«Моя тайная печать, / Оттиск Шейда, врожденная тайна...»* [Там же, с. 77]. Эта «незавершенность» героя становится предзнаменованием окончания повествования: он всего лишь тень, отблеск, потому что в конце истории он мертв, о чем свидетельствует его стихотворение, начинающееся и заканчивающееся одинаково.

Магия творчества Дж. Шейда заключается в его синестезии. «Три грани великого писателя – магия, рассказ, поучение – обычно слиты в цельное ощущение единого и единственного сияния, поскольку магия искусства может пронизывать весь рассказ, жить в самой сердцевине мысли» [4, с. 5]. В. В. Набоков обогащает качество многовалентного опыта, наделяет роман образами, связанными с преодолением ограничений зрения и осязания. Синестезия – это магия, используемая для создания новой реальности, художественного универсума, порождаемого как В. В. Набоковым, так и Дж. Шейдом: *«Мы всегда должны помнить, что произведение искусства – это неизменно сотворение нового мира»* [Там же, с. 3].

При порождении поэтических текстов Дж. Шейд прибегает к каламбурам. При этом эвфония активизируется в связи с синестезией. Благозвучие относится к удовольствию, получаемому от звуков. В контексте творчества поэтов-синестетов с цветовым слухом акустическое восприятие создает ощущение цвета, которое может быть более или менее приятным. Ср.: *«„Рациональная бициркулярная кривая четвертой степени“ – гласит мой... словарь. Не могу понять, при чем тут велосипедная езда, и подозреваю, что фраза Шейда не имеет прямого смысла. Как случилось с другими поэтами до него, он как будто здесь поддался чарам обманчивого благозвучия»* [7, с. 158]. Языковой знак, проецируя визуально-лингвистический синкретизм, системно имплицитно субъективные характеристики поэтического творчества, порождая многозначное смысловое содержание. Создавая поэтический текст, Дж. Шейд комбинирует смыслы. Слова, воспроизводящие его поэтическую картину мира, воспринимаются читателем как намек на структуру, мириады взаимосвязей которой видны одновременно.

Главный герой романа Кинбот – посредственный критик, который восхищается творческой неповторимостью поэзии Дж. Шейда. Жена Дж. Шейда описывает Кинбота следующим образом: «„слоновый клещ“, „королевских размеров овод“, „глист“, „чудовищный паразит гения“» [Там же, с. 199], таким образом демонстрируя неполноценность несинестетического критика. Совершенно очевидно, что антагонист жаждет быть синестетом, утверждая, что «Его... душа ... пропитана отрицанием ... он не любил несправедливости и обмана ... их союза – они повсюду были вместе – с тупой страстью, для выражения которой не было, да и не требовалось слов... Он считал несправедливостью и обманом все, что превосходило его понимание .. поклонялся общим местам и делал это с педантической уверенностью. Общие места были божественны, все особое было от дьявола» [Там же, с. 176–177]. В тексте романа системно конструируется дихотомия между образом Дж. Шейда, поэта-синестета, создающего неповторимые воображаемые универсумы, и его антагонистом Ч. Кинботом, который, не являясь синестетом, посвящает жизнь попыткам придать творчеству поэта объективный и абсолютный смысл.

Как писатель-постмодернист В. В. Набоков отвергает превращение конкретных деталей в обобщения, образов – в идеи, неясных фактов – в четкие символы, необходимость поиска уникальных интерпретаций произведений в том смысле, что это устанавливает границы между новыми мирами, порожденными искусством. Писатель испытывает отвращение к критикам, подобным Кинботу, которые выискивают особый смысл в произведениях искусства. По мнению В. В. Набокова, интерпретация истощает индивидуально-авторский воображаемый универсум, проецирует теневую сферу «смыслов». Эту идею воплощает Дж. Шейд, который отвергает читателей, осуществляющих поиск символов и конкретных значений в произведениях.

Синестезия как психологическая проблема связана с памятью в том смысле, что оба явления формируются нейронными связями в коре головного мозга. Как когнитивный процесс синестезия укрепляет память, требует воспоминания о каждом мгновении непосредственно перед этим, чтобы связать его с собой и зарядить силой, удовольствием. Без памяти не может быть трансформации, потому что каждая вещь может быть самой собой только в постоянно меняющемся потоке. Проблема взаимосвязи синестезии и памяти находится в фокусе читательского внимания на всем протяжении повествования в романе «Бледный огонь». Дж. Шейд утверждает,

что его глаза помогают ему запоминать, потому что образы, запечатленные ими, могут быть воспроизведены, когда он пожелает: «*Мои глаза в буквальном смысле / Фотографировали. Как только я позволял / Или, в безмолвном трепете, повелевал, / Все, бывшее в поле моего зрения, ... / Все запечатлевалось на исподе моих век, / Где сохранялось час-другой...*» [7, с. 138]. Ч. Кинбот осознает этот факт: «*Существует ... симптоматическое семейное сходство между окраской поэмы и рассказом*» [Там же, с. 92]. В данном контексте синестезия характеризуется как когнитивный ресурс в том смысле, что она включает в себя аналогию, мимезис, ассоциацию с образами прошлых событий, память и узнавание.

Ч. Кинбот одновременно испытывает раздвоение личности и переплетение двух разных личностей, о чем свидетельствует то значение, которое он придает «глазам». Следствием этой амбивалентности является важность визуального восприятия для создания идентичности личности. «Глаз» связывается с внешним «Я», его зрительными способностями, потребностью в цвете. Кроме того, наличие двух глаз может быть каламбуром, обозначающим двойную идентичность, способность персонажа иметь двойное и различное зрение двумя глазами. Так, в «Бледном огне» можно увидеть, как глаз олицетворяет идентичность: *Между горой и глазом дух дали простирает пелену голубой любовной кисеи* [Там же, с. 133]; *... слабый луч его фонарика закатил свой безнадежный глаз и потух* [Там же, с. 155].

В контексте постмодернистского осознанного недоверия к истине ошибочность восприятия является ключевой проблемой, которая рассматривается В. В. Набоковым в формате синестезии. Ср.: «*В ... прозрачно-индиговом растворе он увидел свое алое отражение, но странным образом – что на первый взгляд показалось ему оптической иллюзией, – отражение было не у его ног, а гораздо дальше; ... сопровождалось искривленным зыбью отражением скалы, торчавшей высоко над его местонахождением. ... эта магическая натяжка образа заставила его распахнуться, и двойник в красном свитере и красной кепке повернулся и исчез, меж тем как наблюдатель оставался неподвижным*» [Там же, с. 165]. В данном фрагменте повествуется о моменте, когда землянский король Карл, кажется, нашел своего двойника, описывает его как отражение самого себя. Однако это всего лишь фантазмагорическая иллюзия, потому что отражение исчезает после того, как его замечают.

При восприятии романа «Бледный огонь» никогда не бывает ясно, кто из персонажей реален. Даже вопрос о количестве персонажей, по-

являющихся в романе, трудно решить, поскольку постмодернистский характер этого текста комично обыгрывает меняющиеся литературные условности и стили. Ч. Кинбот является не только ее редактором, но и автором комментария объемом не менее трехсот страниц, в котором он утверждает, что комментарий абсолютно необходим, предопределяется общей саморефлексивной направленностью поэмы. На самом деле он не дает никаких объяснений, а рассказывает совершенно иную историю о таинственной стране под названием Зембла, о чудесном короле Карле и убийце Градусе.

Представления В. В. Набокова о реальности проистекают из индивидуализированной интерпретации Р. Декарта: чувства иногда обманывают нас, являются более чем тенью значений. Ч. Кинбот приравнивается к поиску смысла, но, восприняв его интерпретацию поэмы «Бледный огонь», читатель осознает, что Ч. Кинбот полностью отклонился от оригинального текста. Его странный комментарий не согласуется с логикой поэмы Дж. Шейда. В этом смысле вывод, касающийся интерпретации Ч. Кинбота, может быть таким же, к какому пришел Декарт: что касается нас, чувства всегда обманывают.

Другими словами, если Ч. Кинбот продолжает отклоняться от оригинального текста более чем в одном случае, весь комментарий не может носить объективного характера. Синестезия доказывает, что реальность многогранна, как это отстаивает постмодернистский канон. В результате то, что видение или комментарий сообщают о какой-либо проблеме, не может быть заявлено как абсолютная истина; чувства субъективны для человека, который это переживает: *От моего видения дуло правдой. Оно имело тональность, / Сущность и необычайность своей особой / Реальности. Оно существовало* [Там же, с. 70]. В формате художественного творчества В. В. Набоков не дает определения реальности, да и сама идея какой-либо постоянной реальности исчезает. Текст несет в себе оттенок различных значений. Автор намекает на невозможность существования абсолютных истин. Используя искажения, вызванные такими психологическими явлениями, как синестезия, он создает новые воображаемые миры с опорой на визуальную манеру письма.

Персонажи «Бледного огня» характеризуются синестезией. Дж. Шейд, поэт-синестетик, олицетворяет гения, совершенного художника и творца, в отличие от антагониста, который остается простым критиком поэмы гения. Синестезия считается определяющим фактором при работе с памятью, поскольку она усиливает навык воспо-

минания. Синестезия задействуется В. В. Набоковым для того, чтобы придать персонажам индивидуальность. Примером этого факта может служить использование континуума между «глазом» и «Я». Синестезия автора влияет на его видение реальности; самоанализ достигается в «Бледном огне» благодаря дуализму внутренней стороны, которую воспринимает «Я» В. В. Набокова, и внешней, которая находится в поле зрения авторского «глаза». В этом смысле синестезия также понимается как искажение реальности, не поддающееся однозначной интерпретации. Таким образом, постмодернистская идея В. В. Набокова противостоит критикам и их поиску уникальных и абсолютных интерпретаций реальности.

Повышенное внимание к визуальным образам в художественно-прозаической форме может быть связано с появлением фотографии и нового для того времени искусства, кинематографа, а также с переходом от черно-белого к появлению в них цвета. Это начало оказало влияние на литературу: новая визуальная информация, которую предлагают эти два вида искусства, превращает традиционную культуру, ориентированную на логотип, в новую визуальную культуру; такое изменение приводит к более субъективному способу восприятия реальности, к миру, в котором важно то, что чувствует человек, где важны разные типы восприятия. Таким образом, существует не уникальная реальность, а множество разных реальностей, в зависимости от того, кто их видит. Благодаря своей синестезии, В. В. Набоков достигает волшебства чародея, превращает то, что было бледным огнем (*воистину бледным* [7, с. 205]), в *цветное пламя* [Там же, с. 332], а то, что было всего лишь книгой, превращается в чудесную картину, сотканную из красочных цветных слов. Роман «Бледный огонь» создавался В. В. Набоковым как предостережение об опасностях чрезмерного увлечения воображением. Причудливо переплетенные судьбы, которые автор представляет в образах Ч. Кинбота и Дж. Шейда, позволяют читателю увидеть призрачный проблеск порядка за кажущимся произвольным хаосом, закономерность, скрытую даже в том, что выглядит как случайное разрушение, и светлую перспективу за пугающей чернотой ничего, переходящего в ничто. В этом отношении две вымышленные фигуры – плоть от плоти самого В.В. Набокова.

Список источников

1. Кузнецова Э.А. Лики синестезии. Казань: Познание, 2011. 176 с.

2. Cavallaro D. Synesthesia and the arts. L.: McFarland @ Company, 2013. 212 p.
3. Барышников П. Н. Миф и метафора. Лингво-философский подход. СПб: Алетейя, 2010. 216 с.
4. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Азбука, 2022. 544 с.
5. Забияко А. А. Синестезия: метаморфозы художественной образности. Благовещенск: АМГУ, 2004. 215 с.
6. Зубакина Т. Событие и метафора. Саарбрюккен: Lap Lambert, 2016. 155 с.
7. Набоков В. В. Бледный огонь. М.: АСТ, 2022. 368 с.

References

1. Kuznetsova, E. A. (2011). *Liki sinestezii* [The Faces of Synesthesia]. 176 p. Kazan, Poznanie. (In Russian)

2. Cavallaro, D. *Synesthesia and the Arts*. 212 p. London, McFarland @ Company. (In English)
3. Baryshnikov, P. N. (2010). *Mif i metafora. Lingvofilosofskii podkhod* [Myth and Metaphor. The Linguophilosophical Approach]. 216 p. St. Petersburg, Aleteya. (In Russian)
4. Nabokov, V. V. (2022). *Lektsii po zarubezhnoi literature* [Lectures on Foreign Literature]. 544 p. Moscow, Azbuka. (In Russian)
5. Zabyako, A. A. (2004). *Sinesteziya: metamorfozy hudozhestvennoi obraznosti* [Synesthesia: Metamorphoses of Artistic Imagery]. 215 p. Blagoveshchensk, AmSU. (In Russian)
6. Zubakina, T. (2016). *Sobytie i metafora* [Event and Metaphor]. 155 p. Saarbrücken, Lap Lambert. (In Russian)
8. Nabokov, V. V. (2022). *Blednyi ogon'* [Pale Fire]. 368 p. Moscow, AST. (In Russian)

The article was submitted on 18.10.2025
Поступила в редакцию 18.10.2025

Аглеева Зухра Равильевна,
доктор филологических наук,
доцент,
Астраханский государственный университет
им. В.Н. Татищева,
414056, Россия, Астрахань,
Татищева, 20 А.
z.agleeva@yandex.ru

Кудряшов Игорь Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Южный федеральный университет,
344008, Россия, Ростов-на-Дону,
Б. Садовая, 105 / 42.
igalk@mail.ru

Agleeva Zukhra Ravil'evna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
V. N. Tatishchev Astrakhan State University,

20 A Tatishchev Str.,
Astrakhan, 414056, Russian Federation.
z.agleeva@yandex.ru

Kudryashov Igor Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Southern Federal University,
105/42 B. Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344008, Russian Federation.
igalk@mail.ru